

Цецен Балакаев

**С князем Ухтомским
по Калмыцкой степи**

**Путевые записки
(Астрахань, сентябрь 1889)**

Цецен Балакаев С князем Ухтомским по Калмыцкой степи

<https://litres.ru/74021273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1889 года. Молодой дипломат, поэт и востоковед князь Эспер Эсперович Ухтомский, будущий спутник цесаревича Николая в его знаменитом путешествии на Восток, отправляется в малоизвестные Калмыцкие степи. Его цель – собрать поэтический материал и изучить быт буддистов-кочевников, чья верность русскому престолу на протяжении двух столетий служила щитом южным границам империи.

Сопровождаемый лишь старым казаком, он погружается в мир, где время течёт иначе – под ритмичный перестук копыт и горловое пение сказителей «Джангара». Сквозь туманы Астрахани, через встречи с нойонами и ламами, Ухтомский открывает для себя удивительный народ, чья воинская доблесть и глубокая духовность навсегда изменят его представление о судьбе России – стране, которой суждено стать мостом между Западом и Востоком.

В повести использованы этнографические материалы, собранные князем Ухтомским во время путешествия, а также

подлинные сведения о калмыцких обычаях, фольклоре и военной истории.

Цецен Балакаев С князем Ухтомским по Калмыцкой степи

Цецен Балакаев

«С князем Ухтомским по Калмыцкой степи»

Путевые записки князя Э.Э. Ухтомского (Астрахань, сентябрь 1889 года)

Памяти Героя России старшего лейтенанта Нарана Алексеевича Очир-Горяева, павшего смертью храбрых при выполнении боевых задач в ходе специальной военной операции

Осень 1889 года. Молодой дипломат, поэт и востоковед князь Эспер Эсперович Ухтомский, будущий спутник цесаревича Николая в его знаменитом путешествии на Восток, отправляется в малоизведанные калмыцкие степи. Его цель – собрать поэтический материал и изучить быт буддистов-кочевников, чья верность русскому престолу на протяжении двух столетий служила щитом южным границам империи.

Сопровождаемый лишь старым казаком, он погружается в мир, где время течёт иначе – под ритмичный перестук ко-

пыт и горловое пение сказителей «Джангара». Сквозь туманы Астрахани, через встречи с нойонами и ламами, Ухтомский открывает для себя удивительный народ, чья воинская доблесть и глубокая духовность навсегда изменят его представление о судьбе России – стране, которой суждено стать мостом между Западом и Востоком.

В повести использованы этнографические материалы, собранные князем Ухтомским во время путешествия, а также подлинные сведения о калмыцких обычаях, фольклоре и военной истории.

Глава первая. ОТЪЕЗД

Удивительно странное чувство – знать, что впереди несколько месяцев скитальческой жизни!

Князь Эспер Эсперович Ухтомский стоял на палубе парохода «Александр II» и смотрел, как берега Волги медленно тают в вечерней дымке. Сентябрь только начинался, но вечера уже стояли прохладные, и река – широкая, могучая – дышала осенней свежестью.

Он держался за поручни и думал о том, как странно устроена человеческая душа. Когда едешь на запад – в Европу, в знакомые, исхоженные места, – всё кажется предсказуемым, взвешенным, определённым. Воображению не хватает полета. Ум не в силах отрешиться от привычной действительности. Нет в такой поездке ни животворной прелести, ни усла-

ды.

Совсем не то, когда путь лежит на восток.

Там – глушь. Там – полнейшее одиночество, временное отчуждение от мира, от привычек, от всего, с чем тесно связан. Настоящее превращается в какой-то сон – но сон, исполненный яркости и значения. Нет места обыденным помыслам и мелочным заботам. Точно шире стало вокруг, точно гнету меньше.

– Ваше сиятельство, – раздался голос Осипа Степановича, старого казака, который сопровождал его в поездках по азиатским окраинам. – Чайку не изволите?

– Спасибо, Осип Степанович, погожу.

Ухтомский снова повернулся к реке.

Он вспомнил, как ещё студентом, слушая лекции Владимира Соловьёва, впервые задумался о том, что Россию ждет не европейское, а азиатское будущее. Соловьёв, его учитель и друг, часто говорил: «Мы, русские, слишком долго смотрели на запад. Пора повернуться лицом к востоку. Там – наша судьба».

Тогда, в аудиториях Петербургского университета, эти слова казались красивой метафорой. Теперь, стоя на палубе парохода, который уносил его вниз по Волге, к Астрахани, а оттуда – в калмыцкие степи, Ухтомский понимал: это не метафора. Это жизнь.

Он ехал собирать поэтический материал, как позже написал в предисловии к будущей книге. Но на самом деле цель

была глубже. Он хотел понять, как живут эти люди – буддисты, кочевники, «инородцы», – которые вот уже почти триста лет служат русскому царю, но остаются чужими. Чужими для чиновников, для купцов, для самого Петербурга, который смотрел на них свысока, как на полудиких детей, которых надо опекать, но которых никто не знает.

А между тем – Ухтомский знал это по своим прежним поездкам в Монголию и Забайкалье – за внешней грубостью и замкнутостью скрывался целый мир. Мир с глубокой философией, богатой культурой, удивительными обычаями.

Мир, который Россия теряла, сама того не замечая.

Он достал из кармана путевой дневник, перелистал исписанные страницы. Вот записи о бурятских дацанах, вот – о монгольских кочевьях, вот – о встрече с ламой в Урге, который сказал ему: «Ты, урус, пришёл издалека. Зачем тебе наша вера?»

– Затем, – ответил тогда Ухтомский, – что вера – это душа народа. А душу надо знать, если хочешь жить с народом в мире.

Лама улыбнулся и дал ему благословение.

Теперь Ухтомский ехал к калмыкам – самому западному из буддийских народов, который три века назад пришёл с востока и осел в низовьях Волги. Осел – но не осел по-настоящему. Он продолжал кочевать, продолжал молиться своим богам, продолжал жить так, как жили его предки в Джунгарии, в Тибете, в Монголии.

– О чём задумались, ваше сиятельство? – спросил Осип Степанович, подсаживаясь рядом.

– О калмыках, – ответил князь. – О том, как мало мы о них знаем.

– Это правда, – кивнул казак. – Живут рядом, а чужие. У них свои порядки, своя вера, свои ламы. Иной раз спросишь у чиновника – что, говорит, с них взять? Кочевники, тёмный народ. А присмотришься – не такие уж тёмные. Умные, хитрые, себе на уме.

– Хитрые?

– А как же? Степь – она не город. В степи, чтобы выжить, надо быть хитрым. И сильным. И веру свою крепко держать. Потому что вера – это всё, что у них есть.

Ухтомский промолчал. В словах казака была та простая, неподдельная мудрость, которой так не хватало петербургским кабинетам.

Он снова посмотрел на реку.

Пароход шёл ровно, мерно разрезая волжскую гладь. На палубе было оживленно – пассажиры разбились на группы, знакомились, расспрашивали друг друга, кто куда и зачем едет.

Какой-то пессимистически настроенный пассажир, назвавшийся туристом, громко рассуждал о том, что Россия слишком слабо осваивает свои азиатские окраины. «Не пойдут туда служить лучшие русские люди, – говорил он, – не проявит купечество энергии – и плоды наших завоеваний

станут равны нулю». Ухтомский слушал вполуха. Он знал, что такие разговоры ведутся в столице давно. Но здесь, на палубе парохода, который уносил его в Азию, они казались особенно неуместными.

– О чём это он? – спросил Осип Степанович, кивая в сторону говорившего.

– О том, что Россия не способна создавать что-то путное в Азии.

– Это он зря, – усмехнулся казак. – Наши в Азии и не такое создавали. Взять хотя бы низовья Волги – ещё двести лет назад тут пустыня была. А теперь? Города, пристани, промыслы. Не без толку старались.

– Вот и я так думаю, – сказал Ухтомский.

Он отвернулся от спорщиков и снова уставился в темнеющую даль.

Ночь вступала в свои права.

Глава вторая. ВОЛГА

«Александр II» подходил к Чёрному Яру.

Ухтомский стоял на палубе и всматривался в сумеречные берега. Где-то здесь, в царствование Михаила Федоровича, среди пустынной местности основали городок – для устрашения разбойников. Тогда караваны судов ходили по течению лишь дважды в год, в сопровождении отрядов стрельцов. И даже так – даже с охраной, даже при помощи прави-

тельства – вольница без стеснения нападала на купцов.

Мудрено ли, что долгое время нечего было и думать о правильном общении со среднеазиатским востоком?

Ухтомский задумался о странной двойственности русской природы. В ней – в этой природе – столько неуловимых противоречий, такое изумительное богатство психических свойств, что кажется, будто несколько совершенно особых миров сочетались в ней. Иногда мы вступаем в полосу беспросветного мрака, застоя, дикости, оупения – и вдруг, словно чудом, всё кругом становится ярко, молодо, смело, разумно. Жизнь бьёт ключом – серебряным, чистым, целебным.

Откуда это берётся?

Ухтомский не знал ответа. Но он чувствовал – здесь, на Волге, в этой древней реке, которая с древнейших времен была дорогой с запада на восток, – он приближается к загадке.

Луна взошла над рекой, и вода засеребрилась.

В лунном свете на воде показались челноки. Тени скользили по глади, слышались голоса, перекликающиеся в тишине. Косматые шапки, мерцающее оружие, и где-то вдалеке – разбойничий напев:

Мы рукой махнём –

Караван возьмём...

Ухтомский закрыл глаза.

В каждом звуке была целая поэма. И тот, кто мог её понять, – тот не станет спрашивать, куда и почему мы идём всё дальше и дальше в Азию. Удаль исхода просит. Нормальное, медлительное саморазвитие для нас почти равносильно смерти. Мы движемся на половину бессознательно, стихийно. А потом уже русские государственные люди силятся приискать событиям подходящее объяснение.

Он открыл дневник и записал:

«В нашей смешанной, полуславянской, полуинородческой натуре – столько противоречий. То, что для других государств есть признак разрушения, для нас – предвестник борьбы и победы».

Пароход шёл дальше.

Астрахань приближалась.

Глава третья. АСТРАХАНЬ

Астрахань встретила князя пылью.

Не той обычной, летней пылью, которую знают в Москве и Петербурге, – нет, здесь пыль была особенной, липкой, проникающей повсюду. Она смешивалась с запахом рыбы, с верблюжьей шерстью, с чем-то пряным, неуловимым, азиатским.

Ухтомский сошёл с парохода и огляделся.

Город производил тяжёлое, отталкивающее впечатление. Не только своей внешностью – хотя и она была неприглядна,

– но какой-то внутренней пустотой, отсутствием духовной жизни.

Здесь, в этом южном волжском городе, преобладающим элементом были купцы, рыбопромышленники – люди с узким кругозором. Искать у них кипучей умственной деятельности было бы наивно.

Но всё-таки Ухтомский ожидал встретить хоть какие-то культурные черты, свидетельствующие о том, что Россия стоит в степных низовьях Волги не как случайный пришелец, а как народ с высшей цивилизацией, способный изучить быт инородцев, помочь им, просветить их.

Ничего подобного не было.

Управляющий калмыцкими делами, Пётр Васильевич Шеин, встретил князя в гостинице «Кавказ». Это был типичный чиновник «на окраинах» – лет пятидесяти, с красным, обветренным лицом и водянистыми глазами. Сюртук его помнил лучшие времена, пуговицы болтались на нитках. Но говорил он дельно, без канцелярской тягомотины.

– Калмыки? – переспросил Шеин, когда Ухтомский объяснил цель своего приезда. – Народ непростой. С виду кроткие, как овцы, а внутри – кремень. Веру свою держат крепко. Буддизм, понимаете ли. Ламы, молитвы, круговращение – одним словом, чертовщина.

– А что, были беспорядки? – спросил Ухтомский.

– Беспорядков нет. Тишина. Но это и настораживает. Слишком замкнуты. Русский язык знать не хотят, детей в

наши школы не отдают. Живут своими улусами, своими порядками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.